

К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ЧУВАШСКИХ ИМЕН ДОХРИСТИАНСКОЙ ЭПОХИ

Чувашский государственный институт культуры и искусств, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам восстановления звукового облика чувашских антропонимов, зафиксированных в искаженном виде в русской орфографии в период до начала XX в. Автором осмысливаются приемы реконструкции личных имен на основе фонетического, морфемного и семантического анализа материала с учетом диалектных особенностей и контактологической характеристики имени, вычленение корневых морфем-апеллятивов и имяобразующих аффиксов, которые обуславливают дальнейшие этимологические исследования и в конечном счете позволяют произвести фонетическую реконструкцию антропонимов.

Ключевые слова: антропонимы, фонетическая реконструкция, чувашский язык, языковые контакты.

Актуальность исследуемой проблемы. Чувашелогия периода до XX в. накопила значительное количество имен дохристианской эпохи, написанных в иноязычной транскрипции, как правило, русской. Системное изучение указанного пласта чувашских антропонимов еще не началось, хотя представляет явный интерес в аспектах ономастики, истории чувашского языка, контактологии и даже выходит за пределы собственно лингвистических исследований.

Данная работа – первая попытка восстановления фонетического облика дохристианских чувашских имен, получивших в свое время иноязычную интерпретацию. Обычно в научной литературе эти имена даются лишь в той форме, в которой они опубликованы в первоисточниках, т. е. в русском написании, и такой подход пока еще удовлетворяет ожиданиям современной науки. Но подобных имен много десятков тысяч, и рано или поздно придется начать их осмысление в контексте чувашского языка.

Материал и методика исследований. Настоящее исследование проводится на ономастическом материале словарей чувашского языка, справочников, списков имен [1], [3], [4], [9], иной научной литературы, в которых встречаются антропонимы (имена, отчества и фамилии) чувашского происхождения в искаженном виде. Основным источником изучаемого материала является книга В. К. Магницкого «Чувашские языческие имена» (1905) – на данный момент непревзойденный словарь архаичных чувашских антропонимов. Она содержит бесценный материал, безусловно, достойный масштабного исследования.

В статье используется метод фонетической реконструкции имен, записанных в русской орфографии, с применением морфемной и семантико-этимологической оценки антропонимов. Этимологизация во многом и есть тот ключ, который позволяет установить

© Фомин Э. В., 2018

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств, г. Чебоксары, Россия; e-mail: yeresen@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.08.2018

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета Министров Чувашской Республики в рамках научного проекта № 18-412-210002 p_a

подлинный облик имен. В принципе, фонетическая реконструкция антропонимов должна базироваться на практическом опыте прочтения образцов чувашских текстов XVIII – конца XIX в., осмысленном в рамках истории литературного языка (см. [5], [6], [7], [8]). Но существует разница: тексты, написанные средствами русского и иных языков, безошибочно распознаваемы, ибо имеется контекст. Кроме того, такого рода тексты нередко сопровождаются параллельным переводом, способным помочь в правильном прочтении агнонимичных фрагментов. Антропонимы же выполняют исключительно условную номинативную функцию, их звучание не обуславливается контекстом.

Результаты исследований и их обсуждение. Как отмечает историк В. Д. Димитриев, из многотысячного антропонимикона «...опубликована лишь незначительная часть мужских имен. Между тем в Российском государственном архиве древних актов (Москва), в фонде 350 – Ландратские книги, ревизские сказки, переписные книги... имеются... подворные поименные списки ясачных чувашей мужского и женского полов всех чувашских уездов 1716–1717 годов. Во время III ревизии населения 1762–1763 годов в переписные книги по селениям и дворам включали всех ясачных чувашей Поволжья и Приуралья мужского и женского полов, с указанием языческих фамилий (отчества) и имени, возраста, семейного положения. Относительно жен в семьях указано, из какой деревни они взяты замуж. В ландратских и переписных книгах III ревизии имеются мужские и женские имена соседей чуваш – марийцев, татар, мордвы. Есть возможность исследовать особенности имен по уездам, волостям и селениям, в сравнении с татарскими, марийскими и мордовскими именами» (цит. по: [2, с. 3–4]).

Надо полагать, большое разнообразие антропонимов связано со спецификой имянаращения, практиковавшегося в чувашской среде вплоть до середины XVIII в.: во-первых, не существовало канонических списков имен, обязательных для наращения; во-вторых, сложилась система, предполагавшая наличие у одного и того же человека табуированного и бытового имени; в-третьих, основой имени мог послужить широкий спектр апеллятивов, обусловленных конкретными событиями или благопожеланиями; в-четвертых, при имянаращении активно использовались специальные форманты имяобразования; в-пятых, широко допускались заимствования из других языков; в-шестых, была развита система обычных и родовых прозвищ. Все это вкупе позволяло достаточно точно идентифицировать человека.

Первичные наблюдения показывают, что имена в разных общинах носили местный характер, объединяясь в общенациональную систему через перечисленные традиции наращения человека именем.

Многие источники, датируемые периодом до рубежа XIX–XX в., в силу незнания специфики чувашской фонетики и отсутствия адекватной чувашской письменности, фиксировали имена исключительно средствами русской графики. Этнографы признавали крайне субъективный характер записей. Так, А. А. Фукс, собравшая первый свод чувашских имен, сообщала: «Писарь принес мне ревизские сказки, в коих имена перековерканы до жалости. Я читала эти бумаги чувашам, и они мне поправляли искаженные там имена» [10, с. 28].

В. К. Магницкий, автор списка «Чувашские языческие имена», также указывает на проблему вариативного орфографирования антропонимов: «Ввиду крайне неустойчивости письма старых “подьячих”, значительное число имен, вошедших в мой алфавит, видимо, составляет повторения одних и тех имен, но в разных формах (прямой и уничижительной) и в самой разнообразной транскрипции. Таковы, несомненно, имена Абак – Обак, Абекей – Обекей – Убекей, Гведей – Хведей, Зима – Сима, Естебень – Етебень – Истебень – Иштебень – Ястебень – Яштебень и т. д. В подтверждение неустойчивости письма “подьячих” укажу и на то, что и христианские имена “подьячие” писали, напр., так: Ондрей и Андрей, Ортемий и Артемий, Волифантий, Лифантий, т. е. Вониватий, Костентин вместо Константин и т. д. Указываемая неустойчивость в фолиантах переписей особенно наглядная была для меня в тех случаях, когда глава семьи – отец значился,

напр., с именем Естебень, а следующий за ним сын по отчеству значился уже Яштебенеv, второй же сын – Иштебенеv и т. д.» [3, с. 11–12].

В случае фонетической реконструкции чувашских антропонимов, зафиксированных в русской орфографии, мы имеем обратный процесс трансформации имен. Схематично весь цикл изменений можно представить следующим образом:

$$\text{Ч}^1 \rightarrow \text{P} \rightarrow \text{Ч}^2,$$

где Ч¹ – исходное чувашское имя дохристианской эпохи, которое подлежит восстановлению, P – форма фиксации имени в русских документах, Ч² – форма имени, реконструируемая на чувашском языке, например: *Селентей?* → *Селяндей* → *Селентей. В идеале Ч¹ = Ч².

Предпринятая нами реконструкция хоть в целом и называется фонетической, но по сути является комплексной, включая в себя морфемный и семантико-этимологический аспекты:

1. Фонетический анализ имени (главный) предполагает при реконструкции учет фонотактических особенностей антропонимов (1.1), регулярных звукосоответствий (1.2) и иных фонетических явлений в диалектах и родственных языках, а также звукопереходов в заимствованных именах.

1.1. Фонотактические особенности имени могут свидетельствовать о языке его происхождения. Чаще всего можно предположить собственно чувашскую, татарскую, русскую, арабскую или иранскую подоснову антропонимов, ср.: *Андара*, *Сатряшка*, *Сильдук* – чувашские имена; *Алдый*, *Уразбай* – татарские; *Попирала*, *Простомей* – русские; *Алгерим*, *Мемед*, *Михабар* – арабские; *Аснирон* – иранское. На основе первичных наблюдений далее можно установить пути возможных этимологических изысканий. Так, *Алгерим* восходит к тюрко-арабскому *ай герим* ‘луноликая красавица’, *Михабар* – ‘араб’, *мерхаба* ‘добродушный’, *Уразбай* – тат. *ураз бай* ‘счастьем богатый’, *Сатряшка* – из чув. *сатрашка* ‘сухонький’.

1.2. Регулярные русско-чувашские звукосоответствия сводятся к оглушению звонких согласных звуков: *б, г, д, ж, з* → *п, к, т, ш, с* (*Байгача* > *Пайкача, *Буяндак* > *Пуянтак, *Торган* > *Торхан, *Индемер* > *Интимёр, *Армяж* > *Армяш, *Алмурза* > *Алмурса, *Хозанка* > *Хосанкка); замене *ф* → *хв/хёв*, *ц* → *тс, сь, зсь* → *с* (*Федя* > *Хвети, *Молотца* > *Молотса, *Семузсь* > *Семус, *Обась* → *Опас).

Состав гласных чувашского языка шире русских, поэтому русскими буквами в документах обозначались разные звуки: *а* ~ *а́*: *Араман* – **А́раман*; *ы* ~ *а́*: *Вырыстай* – **Вы́рыстай*; *и/э* ~ *ё*: *Ситрук*, *Сетрук*, *Струк*, *Стрюк* – **Сётру́к*.

Вариативность букв *а* ~ *о* ~ *у*, *а* ~ *э* (*и*), означающих гласные в одних и тех же по сути именах, видимо, свидетельствует о процессах исторических звукоизменений, в конце XVIII в. все еще атавистично проявляемых в чувашском языке: *Араспулат* – *Орспулат* – *Ураспулат*, *Казма* – *Козма* – *Кузма*, *Атабай* – *Отабай*, *Варжекей* – *Вержекей*, *Ярослав* – *Ерослав*, *Самандеряк* – *Симендеряк* – *Симандеряк*, *Саптеряк* – *Сиптеряк*.

2. Морфемный анализ имен направлен на выявление их словообразовательной структуры и сводится к выделению корневых и аффиксальных морфем.

В структурном плане все разнообразие антропонимов дохристианской эпохи сводимо к таким образованиям, как корень, равный самостоятельному слову (*Авер*, *Агад*, *Опа*, *Тавут*, *Ята*); корнесложение (*Князмурза* < рус. *князь* + тат. *мурза* ‘представитель высшего слоя татарского дворянства’; *Хоразин* < чув. *хора* ‘черный’ + *сын* ‘человек’; *Чинтуган* < тат. *чын* ‘настоящий’ + *туган* ‘родственник’); корень со словообразовательным аффиксом (*Чермонтай* < *чърман* ‘заботиться’ + *-тай* имяобр. афф., т. е. ‘заботливый’; *Обась* < *опа* ‘медведь’ + *-с(а́)* имяобр. афф. со значением деятеля, т. е. ‘медвежатник’; *Орманча* < тат. *урман* ‘лес’ + *-чы* имяобр. афф. со значением деятеля, т. е. ‘лесник’).

При анализе старозаписных имен следует иметь в виду значительную вариативность морфем, например:

*бай*¹ тат. ‘слово-приложение к имени известных богатеев, богачей до революции’ (*Арзыбай*) – *бей*² (*Аргибей*) – *пай*³ (*Тодупай*) – *ней*⁴ (*Ерехней*) – *ни*⁵ (*Елеби*);
*булат*¹ тат. ‘старинный сорт стали’ (*Акбулат*) – *пулат*² (*Испулат*);
*дуван*¹ (чув. лит. *тáван*) ‘родной’ (*Идуван*) – *дыван*² (*Ядыван*) – *туван*³ (*Ортуван*);
*мулла*¹ тат. ‘мулла; перен. грамотный, образованный’ (*Ярмулла*) – *мула*² (*Ярахмула*),
*мола*³ (*Рохмола*) – *молла*⁴ (*Ермолла*);
*тимер*¹ тюрк. ‘железо’ (*Ахтимер*) – *демер*² (*Идемер*) – *димер*³ (*Синдимер*) – *димир*⁴ (*Илмдимир*) – *темер*⁵ (*Пихтемер*) – *темир*⁶ (*Пихтемир*) – *тимир*⁷ (*Байтимир*) – *тямир*⁸ (*Биктямирка*);
*туган*¹ тат. ‘сотворенный’ (*Урастуган*) – *дуган*² (*Яндуган*) – *тукан*³ (*Пиштукан*);
*чура*¹ тат. ‘воин в княжеской дружине’ (*Карачура*) – *чора*² (*Ялчора*) – *чаро*³ (*Чаромурза*).

Если апеллятивы не распознаются, т. е. являются агнонимичными, их выделению может помочь отсечение деривационных формантов (о некоторых из них см. в [9, с. 20–30]):
-ай, -ей: *Салданай* – *Салдан*, *Озранай* – *Орзан*; *-бар, -бер*: *Пихчабар* – *Пихча*, *Симбер* – *Сим*; *-ван*: *Сетриван* – *Сетри*, *Эриван* – *Эри*; *-га, -ге*: *Сименга* – *Симен*; *-дай, -дей*: *Айдай* – *Ай*, *Шемердей* – *Шемер*; *-дар, -дер*: *Савадер* – *Сава*, *Шайдар* – *Шай*; *-ка, -ке*: *Изендейка* – *Изендей*, *Хозанка* – *Хозан*; *-кай, -кей*: *Челбякай* – *Челбяк*, *Тевлекей* – *Тевлек*; *-лай, -лей*: *Уразлай* – *Ураз*, *Тебешлей* – *Тебеш*; *-ман, -мен*: *Шайман* – *Шай*, *Арехмен* – *Арех*.

Обращает на себя внимание наличие среди мужских имен антропонимов с апеллятивами или иными показателями, присущими женским: *ай* тюрк. ‘луна’ (*Алгерим*), *би(ке)* тюрк. ‘дева, госпожа’ (*Тербика*, *Шарбига*, *Шеверби*), *Александра*). Это связано с их иноязычным происхождением и, как следствие, неанализируемостью средствами чувашского языка, обличением заимствованных имен под привычные формы, совпавшие с моделями женских имен, а также ошибками в записях.

Изучение морфемного состава русских фамилий чувашского отыменного происхождения позволяет выявить ряд архаичных имен. Для этого необходимо отсечь словообразовательные форманты русских фамилий. В результате будут получены основы имен, ср.: *Атлашкин* < *Атлаш(ка)* = *Атлаш* + *-ка*; *Баймушкин* < *Паймуш(ка)* = *Паймуш* + *-ка*; *Алендеев* < *Алентей* = *Ален* + *-тей*; *Ахвандеров* < *Ахвантер* (< рус. *Афанасий*) = *Ахван* + *-тер*; *Ивантаев* < *Ивантай* = *Иван* + *-тай*; *Кашкаров* < *Каишкър* ‘волк’; *Мазяков* < *Мазақ*; *Мулгачев* < *Мулкач* ‘заяц’; *Ухтияров* < *Ухтияр*; *Яруков* < *Ярук*; *Ярухин* < *Ярухха*, *Акрамовский* < *Акрам*. Здесь *Каишкър*, *Мулкач* являются или домашними именами взамен табуированных, или прозвищами (как родовыми, так и бытовыми).

Другой важный источник чувашских имен дохристианской эпохи – ойконимы. Подход выделения имени тот же, что и в случае с фамилиями, например: *Пояндайкино* > **Пояндай* > чув. **Поянтай* < *поян* ‘богатый’ + *-тай* афф. имяобр.; *Эхветкасси* > **Эхвет* (*-касси* – формант образования ойконимов), *Якунькасси* > **Якунь*; *Ухверкеаль* (*яль* – село) > **Ухверк(к)е*. Часть названий и вовсе представляет архаичный антропоним без каких-либо ойкоформантов: *Исментер* (< *Исмен* + *-тер*), *Утриван* (*Утри* + *-ван*), *Эскетен* (деревни в Ядринском и Шумерлинском районах Чувашской Республики).

Микропонимы же в чувашском языке представляют словосочетания, включающие в себя имена в чистом виде, например: *Илчура арманё* (букв. ‘мельница Илчуры’), *Савран кўлли* (букв. ‘озеро Саврана’), *Сахит сырми* (букв. ‘овраг Сагита’), *Элментер варё* (букв. ‘овраг Элмендера’). Здесь даже не нужна фонетическая реконструкция: микропонимы фиксируются изначально на чувашском языке.

3. Семантико-этимологический анализ предполагает выявление апеллятивной лексики в составе антропонимов (3.1) и установление этимологии имен в целом (3.2).

3.1. Выявление апеллятивов в составе имен позволяет наилучшим образом реконструировать их фонетический облик: *Велдей* < *велтей* ‘дурак’ > **Велтей*; *Калмык* <

калмăк ‘калмык’ > *Калмăк; *Кожак* < *кушак*, диал. *кошак* ‘кошка’ > *Кожак; *Пызык* < *пысăк* ‘большой’ > *Пысăк; *Тилейка* < *телей* ‘счастье’ > *Телейкка; *Чапли* < *чаплă* ‘славный’ > *Чапли* ‘тот, который славный’. Возражения о хронологическом несоответствии архаичных имен и апеллятивной лексики в современной фонетике не могут быть восприняты в качестве существенного фактора, так как к XVIII в. чувашский язык уже сложился в том виде, в каком он продолжает функционировать и в настоящее время.

3.2. Установление ближней этимологии имен в случае их иноязычного происхождения при учете межъязыковых регулярных звукопереходов должно привести к положительным результатам реконструкции, например: *Адрахман* < араб. *Абдурахман* ‘раб божий’ > *Аптрахман; *Баймулла* < тат. *бай мулла* ‘богатый мулла’ > *Паймулла; *Васлекей* < рус. *Васлей* ‘Василий’ + *-кей* > *Васлекей; *Вырыстай* < чув. *вырăс* ‘русский’ + *-тай* > *Вырăстай; *Кызылбай* (*Казылбай*) < тат. *кызыл бай* ‘красный богач’ > *Кăсăлпай; *Коляка* < рус. *Коля* (*Николай*) > *Колякка; *Мурали* < иран. *Мурадали* = *мурад* ‘желанный’ + *али* ‘великий’ > *Мурали; *Тимехвей* < рус. *Тимофей* > *Тимехвей*; *Уразилда* < тат. *ураза килде* ‘счастье пришло’ > *Ураскилт; *Хюветдей* < рус. *Фаддей* > **Х(ё)ветей*; *Чурамурза* (*Черамурза*, *Чорамурза*) < тат. *чура* ‘раб’ + *мурза* > *Чурамърса.

В алфавите мужских имен В. К. Магницкого немало антропонимов русско-православного происхождения, представленных в двух формах: 1) с сохранением русской фонетики (*Антипка*, *Захарка*, *Олежек*, *Тверски*); 2) адаптированных под чувашское произношение (*Васенка*, *Карасим*, *Хведюнка*). Имена первой группы вряд ли следует признавать фонетически равными исходным русским, скорее всего они в чувашской речи были подвергнуты субституции (*Антипкă / *Антипка; *Сахарккă / *Сахаркка, *Олешăк / *Олешёк, *Тёверёски), но в официальных бумагах писарями были отображены в привычном русском написании. Во второй группе имена уже представлены со следами чувашского влияния: *Ваҫенкка / *Ваҫинкка < рус. *Васенька*, *Караҫăм / *Караҫём < рус. *Герасим*, *Хветюнкка < рус. *Феденька*.

Значительные русские допущения в чувашском языческом антропонимиконе, надо полагать, – результат активной христианизации чувашей, предпринятой в середине XVIII в.

Резюме. Реконструкция дохристианских чувашских антропонимов, записанных средствами русской орфографии, представляет сложную проблему, требующую учета фонетического, морфемного и семантико-этимологического факторов. В целом алгоритм реконструкции включает в себя такие этапы, как фонотактическая характеристика имен, вычленение корневых морфем-апеллятивов и имяобразующих аффиксов, на основе которых определяются дальнейшие поиски этимологий. При возможности одномоментно происходит уточнение фонетического облика реконструируемого имени в соответствии с диалектной спецификой. Практически каждое имя из книги В. К. Магницкого можно осмыслить в соответствии с фонетикой чувашского языка, однако даже в этом случае гарантировать объективную реконструкцию части имен нельзя, поскольку сам исходный материал может оказаться противоречивым и сильно искаженным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашмарин Н. И.* Чăваш сăмахёсен кёнеки = Thesaurus linguae tschuvaschorum = Словарь чувашского языка : в 17 т. – Казань ; Чебоксары : Б. и., 1928–1949.
2. *Корнилов Г. Е., Леонтьева А. А.* Инверсионный «алфавит чувашских мужских языческих имен» – 1 : словарь. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 100 с.
3. *Магницкий В. К.* Чувашские языческие имена. – Казань : Тип. Император. ун-та, 1905. – 101 с.
4. *Нестеров В. А.* Населенные пункты Чувашской АССР: 1917–1981 : справочник об адм.-террит. делении. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1981. – 351 с.
5. *Петров Н. П.* Чăваш литература чёлхин историйё: Яковлевчченхи тапхăр. – Шупашкар : Чăваш патшалăх университетё, 1978. – 110 с.
6. *Савельев А. В.* Отражение вокализма чувашских диалектов в «Сравнительном словаре» П. С. Палласа // Урало-алтайские исследования. – 2013. – № 1(8). – С. 34–54.

7. *Сергеев Л. П.* О дояковлевском периоде чувашской письменности // 100 лет новой чувашской письменности : сборник статей. – Чебоксары, 1972. – С. 47–76.

8. *Сергеев Л. П.* О памятниках чувашской письменности XVIII века // Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. 46. – Чебоксары, 1970. – С. 228–263.

9. *Федотов М. Р.* Словарь чувашских нехристианских личных имен. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1998. – 148 с.

10. *Фукс А. А.* Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. – Казань : Тип. Император. Казан. ун-та, 1840. – 329 с.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Араб. – арабский язык; афф. – аффикс; диал. – диалект; имяобр. – имяобразование; лит. – литературный язык; перен. – переносное значение; рус. – русский язык; тат. – татарский язык; тюрк. – тюркские языки; чув. – чувашский язык.

UDC 811.512.111'04'373.23

E. V. Fomin

ON RECONSTRUCTION OF THE CHUVASH ANTROPONIMES OF THE PRE-CHRISTIAN EPOCH

Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia

Abstract. The article is devoted to the problems of reconstruction of the Chuvash anthroponyms fixed in a distorted form in the Russian spelling in the period before the beginning of the 20th century. The author comprehends the technique for restoring the sound image of personal names on the basis of phonetic, morphemic and semantic analysis of the material, taking into account dialect features of the Chuvash language and contact data. The reconstruction algorithm includes such stages as phonotactic characteristics of the name, isolation of root morphemes-appellatives and name-forming affixes, which cause further etymological studies and ultimately allow phonetic reconstruction of anthroponyms.

Keywords: *anthroponyms, phonetic reconstruction, Chuvash language, language contacts.*

REFERENCES

1. *Ashmarin N. I.* Chăvash sâmakhêsen këneki = Thesaurus linguae tshuvaschorum = Slovar' chuvashskogo yazyka : v 17 t. – Kazan' ; Cheboksary : B. i., 1928–1949.
2. *Kornilov G. E., Leont'eva A. A.* Inversionnyj «alfavit chuvashskikh muzhskikh yazycheskikh imen» – 1 : slovar'. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2002. – 100 s.
3. *Magnickij V. K.* Chuvashskie yazycheskie imena. – Kazan' : Tip. Imperator. un-ta, 1905. – 101 s.
4. *Nesterov V. A.* Naselennye punkty Chuvashskoj ASSR: 1917–1981 : spravochnik ob adm.-territ. delenii. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1981. – 351 s.
5. *Petrov N. P.* Chăvash literatura chëlkhin istorijë: Yakovlevchchenkhi tapkhär. – Shupashkar : Chăvash pat-shalâkh universitechë, 1978. – 110 s.

© Fomin E. V., 2018

Fomin, Eduard Valentinovich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department Humanitarian and Social-Economic Disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia; e-mail: yeresen@yandex.ru

The article was contributed on August 05, 2018

6. *Savel'ev A. V.* Otrazhenie vokalizma chuvashskikh dialektov v «Svornitel'nom slovare» P. S. Pallasа // *Uralo-altajskie issledovaniya*. – 2013. – № 1(8). – S. 34–54.
7. *Sergeev L. P.* O doyakovlevskom periode chuvashskoj pis'mennosti // 100 let novej chuvashskoj pis'mennosti : sbornik statej. – Cheboksary, 1972. – S. 47–76.
8. *Sergeev L. P.* O pamyatnikakh chuvashskoj pis'mennosti XVIII veka // *Uchenye zapiski Nauchno-issledovatel'skogo instituta pri Sovete Ministrov Chuvashskoj ASSR*. Vyp. 46. – Cheboksary, 1970. – S. 228–263.
9. *Fedotov M. R.* Slovar' chuvashskikh nekhristianskikh lichnykh imen. – Cheboksary : Chuvash. gos. in-t gumanitar. nauk, 1998. – 148 s.
10. *Fuks A. A.* Zapiski Aleksandry Fuks o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoj gubernii. – Kazan' : Tip. Imperator. Kazan. un-ta, 1840. – 329 s.